

Величко Алексей Михайлович*, заместитель директора департамента Московского Правительства, доктор юридических наук.

Византийские императрицы

Видел ты в женском теле мужскую душу? Видел женское целомудрие, память с которого победой остаётся вечной? Эта женщина прославлена пред людьми, возвеличена Ангелами, увенчана Богом – ей подражайте, жёны, чтобы и вы удостоились чести от Бога.

*Иоанн Златоуст*¹

Безусловно, центральной, цементирующей фигурой византийской государственности являлся император – об этом много писали раньше (в том числе и автор этих строк) и не имеет смысла здесь распространяться на данную тему. Скажем лишь, что, будучи лицом, чей статус являлся священным и даже священническим, Римский (Византийский) царь обладал беспрецедентно широкими полномочиями как в политической сфере, так и в области церковного управления. Как "викарию Христа на земле" (официальный царский титул), "принявшему от Бога общее попечение обо всех людях", ему, по словам св. Юстиниана Великого (527–565 гг.), "нет ничего недоступного, поскольку императору подобает верховное попечение и забота о спасении подданных". *Василевс* напрямую регулировал сферу церковного управления и даже вероучения, включая вопросы догматики. Он не претендовал на совершение церковных таинств и главного из них – Евхаристии, но активно соучаствовал в их совершении на правах церковнослужителя, кадя в святом алтаре, проходя в него во время литургии царскими вратами, выполняя обязанности священосца и принимая Святые Дары под двумя видами, как священник.

Казалось бы, напрашивается естественный вывод, что император являлся фигурой самодостаточной, не нуждающейся в ком бы то ни было рядом с собой, и, конечно же, незаменимой. Разумеется, мы говорим уже о том периоде, когда претендент становился полноправным Римским (Византийским) самодержцем. Однако такой вывод откровенно противоречил бы исторической действительности, поскольку рядом с императором, во многом дополняя его и направляя, а иногда даже и подменяя, располагалась не менее величественная Византийская императрица, чей статус мало отличался (а в некоторые моменты времени и вовсе не отличался) от статуса её царственного мужа. Она-то и будет являться предметом нашего научного интереса.

* chessalexei@mail.ru.

¹ О Сусанне / святитель Иоанн Златоуст // Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста : в 6 т. М., 2008. Т. 6, кн. 2. С. 606.

Между тем сложность исследования заключается в том, что, как и в ситуации с Римскими императорами, статус и правомочия Византийских цариц никогда не были описаны законодательно в виде конкретного и закрытого списка. Что позволялось совершать царице и что она обязана была делать в тот или иной момент времени, нередко определял не писанный закон и не церковный канон, а общее мировоззрение и правосознание византийцев (носителями которых являлись и сами цари), политическая традиция и государственно-церковный обычай. Здесь нет ничего удивительного, поскольку одной из особенностей византийского права (равно как и канонического) являлась его прецедентность.

Никто в Византии заранее не формулировал закон на будущее, но каждый раз, когда возникала потребность разрешить тот или иной конфликт (или спор), урегулировать определённую ситуацию, уполномоченная власть издавала соответствующий правовой акт по конкретному прецеденту. Он мог принять форму государственного закона, церковного канона или судебного решения. Очень часто рядом с ними и помимо них действовал правовой обычай, имевший далеко не второстепенное значение.

По сложившемуся ещё со времён классического римского права алгоритму, прецеденты, рождённые конкретным запросом времени и потребностями людей, а также правила обычного права в последующем закреплялись в различных системных сборниках, часть которых дошла до наших дней. Например, книга "О церемониях" императора Константина VII Порфирородного (913–959 гг.), наставления по военному делу императоров св. Маврикия (582–602 гг.), Льва VI Мудрого (886–912 гг.) и полководца Кекавмена. А также "Кодекс Феодосия" императора св. Феодосия II Младшего (408–450 гг.), "Кодекс Юстиниана", "Институции" и "Дигесты" императора св. Юстиниана Великого, "Эклога", "Земледельческий закон" и "Книга епарха" императоров Льва III (717–741 гг.) и Константина V Исавров (741–775 гг.), "Прохирон" императора Василия I Македонянина (867–886 гг.) и "Василики" императора Льва VI Мудрого.

Помимо них существовало ещё множество сборников канонических актов, которые также подлежали обязательному применению. В частности, Апостольские постановления, Правила Вселенских соборов и отдельных Поместных соборов, каноны, данные отдельными подвижниками веры – Святыми Отцами и Учителями Церкви, "Свод правил" Иоанна Схоластика, "Алфавитная синтагма" Матвея Властаря, "Номоканон" патриарха св. Фотия (858–867, 877–886 гг.), канонические синоптики и схолии, покаянные номоканоны и т.д. Не говоря уже о комментариях канонистов и цивилистов, которые, относясь к "праву юристов", тоже являлись официальными правовыми актами, действовавшими наравне с писаными законами.

И всё это многообразие законодательных актов и их сборников тесно переплеталось с сохранившимися и действовавшими в Византии институтами классического римского права, а также политическими и религиозными традициями Древнего Рима. Это казалось достаточным современникам тех далёких событий, чтобы совершенно ясно понимать, что представляет собой статус Римской *василиссы*. Но недостаточно для нас, чтобы сегодня сослаться на конкретный акт или закон, полностью раскрывающий его.

Поэтому для решения поставленной задачи нам волей-неволей остаётся единственная возможность: опираясь на древние традиции, выискивать конкретные прецеденты, имеющие непосредственное отношение к статусу Византийской императрицы. И, обобщая свои наблюдения, корректировать их с учётом исторического контекста событий.

I

Конечно же, изучение статуса Византийской императрицы следует начинать не со времён святого равноапостольного Константина Великого (306–337 гг.) или св. Юстиниана Великого, а гораздо раньше. Ведь он является в первую очередь результатом развития древней политической традиции – Византийская царица была ни кем иным, как Римской императрицей. Поэтому обратим внимание на прецеденты, созданные римским правосознанием ещё до тех времён, когда христианство стало господствующим в империи вероисповеданием.

Уже Ливия – жена императора Августа Октавиана (27 по 14 гг. до Р. Х.) – по завещанию супруга была удостоена титула "*августы*", создав прецедент на последующие времена. Дело в том, что в представлении римлян непереводаемый титул "*август*", которым они наградили Октавиана, сочетал в себе сразу несколько понятий: "величие", "всемогущество", "святость". Теперь и Ливия оказалась лицом, которому по праву принадлежали все указанные качества².

Мессалина, третья жена императора Клавдия (41–54 гг.), хотя и не стала августой (против этого категорически возражал её собственный супруг), но получила беспрецедентное право сидеть во время театральных представлений среди весталок и ездить по улицам в повозке *carpentum*, – также неотъемлемая прерогатива весталок. Очевидно, что её соседство с девственницами-аристократками, жрицами, посвящёнными богине Весте, хранительницами священного огня, подчёркивало сакральный сегмент её статуса. Помимо этого современники недвусмысленно акцентировали внимание и на его политическую составляющую. Например, некоторые греческие города начали чеканку монет с её изображением, что допускалось исключительно в отношении императоров.

Агриппа – четвёртая и последняя жена императора Клавдия – также получила титул "*августы*", и монеты с её изображением чеканили уже в Риме. Её именем клялись, как именем императора, что являлось открытым признанием императрицы соправительницей царя. Наконец, в честь Агриппы её родной город получил статус колонии. Он считался для сельского поселения очень важным и почётным, поскольку предполагал многие дополнительные права и привилегии её жителям. Например, муниципальный строй колонии полностью копировал систему власти в самом Риме. Местные колониальные магистраты избирались по общему закону и получали средства из государственной казны на своё содержание и путевые издержки (*ornatio*). А каждый колонист получал в надел участок земли (*bina jugera*) и полное право римского гражданства³.

² Кравчук А. Императоры / Александр Кравчук. М. : Астрель, 2012. С. 27.

³ Виллемс П. Римское государственное право : пер. с фр. : в 2 вып. / П. Виллемс ; под ред. П. Н. Бодянского. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1888. Вып. 1. С. 406–409.

Очень скоро за императрицами, как и за всеми членами императорской семьи, признали право личной неприкосновенности, которое было обеспечено клятвой *sacramento*, приносимой всеми гражданами Римского государства⁴. Тонкость здесь заключалась в том, что личная неприкосновенность перешла к императорам вслед за принятием ими на себя полномочий народного трибуна, обладавшего по закону этой исключительной прерогативой (*sacrosanctus magistratus*)⁵. Но женщина не могла быть народным трибуном. И, наделяя её столь высоким правом, римляне тем самым выделяли императрицу из общей массы женщин Римской империи. Впрочем, и мужчин тоже.

Фаустине, супруге императора Марка Аврелия (161–180 гг.), был дарован титул "матерь лагерей" (*mater castrorum*). Этот же титул получила Юлия Домна, супруга императора Септимия Севера (193–211 гг.). Она же стала величаться "матерью цезаря" (*mater Caesaris*), с 209 г. – "матерью августа и цезаря" (*mater Augustorum et Caesaris*), а с 211 г. – "матерью лагерей, сената и отчизны" (*mater castrorum et senatus et patriae*).

Впоследствии многие виды поклонений и титулы стали привычными для царственных женщин. В честь императриц возводились алтари и статуи, они причислялись решением сената к сонму богов, по всей Римской империи чеканились монеты с их изображением. А в 241 г. императрица Транквилина, жена императора Гордиана III (238–244 гг.), стала именоваться "святейшей императрицей" (*sanctissima Augusta*). Наконец, мать св. Константина Великого, св. Елена, получила титул "наиблагороднейшей женщины" (*nobilissima femina*), "наиблагочестивейшей августы". По всей Римской империи вырезались на камнях благодарственные надписи, возводились статуи⁶.

И всё же римская женщина, даже императрица, была далеко не равна в правах мужчине. Не говоря уже о том, что нравственная сторона их жизни зачастую не являла примеров благочестия. Однако вслед за христианизацией Римской империи в обществе меняется отношение к женщине в целом и к императрицам в частности; изменяется и она сама. Византия отводила своей царице далеко не второстепенную роль. Императрицы не только откровенно использовали своё естественное женское влияние на царственных супругов, но и сами осуществляли многие важные политические функции. У неё, как и у императора, были свои покои, свита и придворные. Многих лица из числа тех, кто служил при особе царицы, сами василиссы поставляли на должности. Кроме того, все царицы имели своё собственное состояние, которым распоряжались по личному усмотрению (зачастую тратя его на благотворительность), а также выполняли особые поручения своих супругов или вообще действовали по собственному разумению, активно включаясь в решение государственных задач⁷.

⁴ Там же. Киев, 1890. Вып. 2. С. 509.

⁵ Сокольский В. Пособие при изучении внешней истории римского права / В. Сокольский. Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1876. С. 51.

⁶ Кравчук А. Императоры. С. 705, 723, 731, 789, 809, 825.

⁷ Диль Ш. Византийские портреты / Шарль Диль ; пер. М. В. Безобразова. М. : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2011. С. 28, 29.

Безусловно, на определение содержания статуса Византийской императрицы большое значение оказали III и IV Вселенские соборы, покончившие с ересью несторианства, принижавшей подвиг Богородицы. Разумеется, в теократическом обществе это имело прямое отношение к общественному и правовому положению женщины. Когда она считается орудием греха, соблазненной запретным плодом и соблазнительницей Адама, трудно говорить о её достоинстве. И термин "Христородица", которым "наградил" Пресвятую Деву Марию ересиарх Несторий (Константинопольский патриарх в 428–431 гг.), не позволял раскрыть высокое значение Её духовного подвига. И другое дело, когда вся Церковь поёт Женщине-Богородице: *"Бога человеком невозможно видеть, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати; Тобой же, Всечистая, явися человеком Слово Воплощенно, Его же величающе, с небесными вои Тя ублажаем"*. Христос – Царь Царствия Небесного, а Богородица – Царица Небесная. С тех пор Византийская царица приобрела своего высшего покровителя и свой святой образ в лице Девы Марии. Как заповедано Христом и Его апостолами, императрица стала помощницей мужа в его трудах и подвигах. Ни о каких фривольностях со стороны христианских императриц, как правило, империя уже не слышала. Скромные и благочестивые домохозяйки, воспитатели будущего Римского царя, тонкие интеллектуалки и любящие матери, Византийские василиссы становились эталоном христианской добродетели. Святитель Иоанн Златоуст, Константинопольский патриарх в 398–404 гг., совершенно не расположенный к лести в адрес власть предержащих, яростный обличитель всякой неправды и лёгких нравов, однажды высказал в адрес императрицы Евдоксии, супруги императора Аркадия (394–408 гг.) следующие слова: "Матерь церквей, питательница монахов, покровительница святых, опора бедных". И добавил: "Не из лести царице говорю это, но из уважения к её благочестию"⁸.

Не случайно шестнадцать императриц и царевен были прославлены Кафолической церковью как святые подвижницы православия. Вот их имена: св. Елена, мать св. Константина Великого; св. Феодора, супруга св. Юстиниана Великого; св. Евдокия, жена св. Феодосия II Младшего; св. Пульхерия, жена св. Маркиана (450–457 гг.); св. Феодора, жена императора Феофила (829–842 гг.); царица св. Анфуса, дочь императора Константина V Исавра; царица св. Сосипатра, дочь императора св. Маврикия; императрица св. Ипомония (Елена), жена императора св. Мануила II Палеолога (1391–1425); св. Ариадна, дочь императора св. Льва I Великого (457–474 гг.) и жена императора Зенона (474–475 гг., 476–491 гг.) и императора Анастасия I (491–518 гг.); св. Ирина, жена императора Льва IV Хазара (750–780 гг.); св. Плакилла, жена императора св. Феодосия I Великого (379–395 гг.); св. Маркиана (Лупакия, Евфимия), жена императора Юстина I (518–527 гг.); св. Ирина, жена императора Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.); царица св. Феврония, дочь императора Ираклия Великого (610–641 гг.); св. Феофания, жена императора Льва VI Мудрого; преподобная Мария Монгольская, дочь императора Михаила VIII Палеолога (1261–1282 гг.).

⁸ Беседа по возвращении из первой ссылки / святитель Иоанн Златоуст // Полное собрание творений : в 6 т. М., 2006. Т. 3, кн. 2. С. 75, 76.

Типичный портрет Византийской царицы даёт нам императрица Ирина Дука, супруга василевса Алексея I Комнина (1081–1118 гг.). Образованная и невероятно благочестивая, хозяйка на своей женской половине и фактически управляющая царским имуществом, она видела свой долг в том, чтобы воспитывать детей и быть помощником мужа. Покровительница искусств, писателей и поэтов, женщина, чья рука не уставала подавать милостыню нуждающимся, выходящая в свет исключительно по заведённому при царском дворе церемониалу, мудрая, скромная и бережливая, терпеливая и отходчивая, она становилась настоящим соратником царственного супруга в дни испытаний. Скромность и домашние заботы не препятствовали, тем не менее, царице активно участвовать в политике, в чём она явно преуспела. В скором времени Ирина начала сопровождать супруга в многочисленных походах, и царь очень дорожил её вниманием и советами. А под конец жизни Алексея I царица оказывала на него беспрецедентное влияние. Она всюду следовала за мужем и, сохраняя природную сдержанность, быстро разбиралась в хитросплетениях политических комбинаций и неизменно давала царю лучший совет⁹.

Поскольку по мере христианизации Римской империи царский статус всё более и более принимал в глазах граждан сакральные черты, отсвет императорского сияния начал падать и на его верную спутницу жизни. Начиная с VI в. появляются групповые портреты царей, среди которых достойное место занимает императрица. Как отмечают исследователи, её нахождение рядом с венценосным супругом объясняется не расширением юридических прав василиссы, а фактом приобщения её к святости императора, включая почести, вытекающие из этого¹⁰.

Хотя, как мы увидим из приведённых примеров, это почти автоматически в целом ряде случаев приводило к расширению именно правоспособности императрицы. В Византии удивительным образом благочестие и нравственная составляющая становились надёжным основанием политической власти того или иного лица. И наоборот – каким бы высоким статусом не был наделён человек, отсутствие у граждан к нему нравственного доверия почти автоматически влекло к отказу признать за ним правовые и политические полномочия. Не стала исключением, как мы увидим, и особа императрицы.

Священное происхождение императорской власти было в Византии предметом многочисленных изображений. На всех император и его царственная супруга коронуются либо Христом, либо Богородицей, либо каким-нибудь святым. В миниатюре, помещённой в Псалтири XII в., изображены царь, царица и их сын, и каждый из них коронуется летящим с неба посланцем Христа. Эта деталь со всей очевидностью указывала на то, что царская власть имеет своим источником непосредственно Христа. Включая статус императрицы, которая также получила свою власть от Бога, а не от мужа. Вполне естественно, что, как и Византийских императоров, с XI века императриц начали изображать с нимбом над головой как святых правителей¹¹.

⁹ Диль Ш. Византийские портреты. С. 434–437.

¹⁰ Грабар А. Император в византийском искусстве / Андре Грабар. М.: Ладомир, 2000. С. 46, 47.

¹¹ Грабар А. Указ. соч. С. 128, 134.

Венчание императора являлось церковным таинством, а результатом его становилось признание за ним священнического достоинства (хотя, как традиционно повелось в Византии, без конкретного содержания). С равным основанием василевса можно было сравнить с церковнослужителем, диаконом или иереем, но только не с мирянином – это было категорически невозможно. Происходило венчание в одном из залов Большого дворца, называвшихся "Августея". Там на столике была разложена царская одежда и корона, туда же направлялся патриарх и епископы. В ходе священнодействия император облачался в священнические одежды как иерей, держал в руках дикарии как патриарх и благословлял народ¹².

Венчание царицы также являлось одной из важнейших церемоний в Византии и церковным таинством, сопоставимым с венчанием василевса. Возле амвона, покрытого порфирным сукном, возвышались два трона с 4-мя или 5-тью ступенями, по которым поднимались царь и царица. Читались Евангелия и "Апостол", затем под молитвы патриарха началась вторая часть процедуры. Константинопольский архиерей читал молитву над порфирой, императрица держала в это время горящие свечи в руках. Сам император налагал на её голову корону, а по окончании процедуры они вместе проходили в смежный с дворцом храм св. Стефана, где принимали поздравления сановников. Нет никаких сомнений в том, что, подводя императрицу к алтарю, василевсы, тем самым, приобщали её к своему достоинству. С царской короной на голове шла она в сопровождении своих придворных и свиты к народу, а супруг оставался сзади, перед ней склонялись знамёна военных частей, а византийцы громкими криками приветствовали её¹³.

Весьма важно, что если царь и царица не состояли в браке до момента своего восшествия на престол, то бракосочетание следовало за обрядом коронации, а не предшествовало ему. Эта деталь опять наглядно демонстрировала, что императрица приобщается к всемогуществу не потому, что стала женой императора. Не от супруга получала она верховную власть, но вследствие акта венчания, предшествующего бракосочетанию и не зависящего от него. Тем самым она признавалась избранницей Бога, и её власть считалась сходной с властью супружеской, царской¹⁴.

С XIII в. под западным влиянием в Византии произошло существенное изменение процедуры венчания на царство. Теперь она стала включать в качестве важнейшей своей составной части миропомазание василевса епископом или самим патриархом. Здесь также присутствуют некоторые тонкости, которые нужно обозначить. На Западе помазание традиционно воспринималось как обряд посвящения в "царственное священство", как уподобление Христу. Именно Христос, по словам апостола Иоанна, сотворил Своих верных последователей "царями и священниками" (Откр. 1, 6).

¹² Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство. В связи с греческими их оригиналами с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси / Е. В. Барсов. М. : Университетская тип., 1883. С. XI.

¹³ Иоанн, иеромонах. Обрядник византийского двора (De cerimoniis aulae byzantinae), как церковно-археологический источник / иеромонах Иоанн. М. : Печ. А. И. Снегирёвой, 1895. С. 189, 190.

¹⁴ Диль Ш. Византийские портреты. С. 38, 39.

По мнению Исидора Севильского, первоначально помазание совершалось лишь над священниками и царями, и то обстоятельство, что впоследствии все христиане стали помазаться при совершении таинства Крещения, должно было наглядно показать, что именно они отныне – "род избранный, царственное священство, народ святой" (1 Петр. 2, 9). Однако *вторичное* помазание царя выпадает из этого логического ряда и уже напрямую ассоциируется только с идеей священства.

Эта мысль была хрестоматийно выражена в одном акте Парижских епископов от 1143 г.: "Ведомо нам, что, согласно наказам Ветхого Завета и нынешнему закону церковному, над одними лишь королями и священниками совершается помазание священным миром. Подобаает, следовательно, чтобы те и другие, единственные из смертных, над кем миропомазание совершается, во главе народа Божьего стояли, блага мирские и духовные своим подданным доставляли, а также друг другу". Примечательно, что епископы признали за императором способность, *как священникам*, доставлять подданным духовные дары, – красноречивый текст. Государь, помазанный при вхождении во власть, становился *новым человеком*, человеком перерождённым. Как и при пострижении в монашество, он умирал для старой жизни и начинал новую жизнь после миропомазания¹⁵.

Так считалось на Западе, эту традицию в XIII в. заимствовал и Восток, хотя по вполне политическим мотивам. Желая подтвердить как минимум своё равенство с Латинскими императорами, сидевшими в захваченном крестоносцами Константинополе, Византийские цари, полвека вынужденно находившиеся в Никее, переняли этот обряд. Но для нас важно подчеркнуть в данном случае, что это таинство дополнительно акцентировало внимание на священстве царя, сакральном характере его власти. А поскольку миропомазание совершалось и над императрицей, её статус, таким образом, тоже принимал священнические черты; и уж, во всяком случае, признавался священным¹⁶.

Как Христос неотделим от Своей Матери, так и император немислим без императрицы. Без неё он считался почти ущербным, не вписывался в этикет византийского двора. А поскольку в Византии формы церемоний и почитаний василевса имели органическую связь с самим царским статусом, как неотделимые от него сегменты, нарушение этикета прямо или косвенно бросало тень на священный сан императора. Что было, конечно, недопустимо, если не находилось удовлетворительных объяснений. В частности, император Василий II Болгаробойца (976–1025 гг.) не удосужился найти себе супругу – пребывая день и ночь в заботе о Римском государстве, он не нашёл для этого времени. Но то, что общество негласно разрешало императору, известному своим самопожертвованием и великими подвигами, оно не допускало для "среднестатистического" василевса. Однажды дошло до того, что царь Лев VI Мудрый был вынужден

¹⁵ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии / Марк Блок. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 288, 296.

¹⁶ Успенский Б. А. Царь и патриарх, харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление) / Б. А. Успенский. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 123, 130, 133.

венчать августой, т.е. императрицей, свою малолетнюю дочь Анну от Зои Заутцы (сама супруга императора к тому времени уже скончалась, и он оставался вдовым), поскольку не мог устраивать царские приёмы¹⁷.

А император св. Никифор I Фока (963–969 гг.), строгий аскет и любитель монашества, был вынужден вступить в брак с Феодорой – вдовой императора Романа II (959–963 гг.), поскольку, как убеждали его духовные наставники, царю неприлично быть одному¹⁸.

Когда император Юстин II (565–574 гг.) объявил своим преемником Тиверия (574–582 гг.), константинопольцы посчитали, что царь без августы есть нечто несообразное. А поэтому немедленно потребовали представить им новую царицу. "Хотим видеть, хотим видеть августу римлян!" – ревели ипподромные партии. Император Тиверий тут же приказал венчать на царство свою супругу Анастасию¹⁹.

Когда императоры оставались вдовцами, политическая элита и сами патриархи обычно настаивали на новой женитьбе. Царь занимался мужчинами, а царица выступала представителем всех женщин Римской империи. Соответственно этому были организованы и дворцовые церемонии, где императрицам отводилась немалая роль.

В день Святой Пасхи, когда император принимал в храме Святой Софии высших сановников, императрица в этом же храме, на хорах, встречала их жён. В праздник Брумалий, который отмечался в ноябре, царица одаривала придворных дам и приглашала их к себе в большие парадные залы. Подобно василевсу, василисса давала аудиенции, обеды, награждала отличившихся дам и вела светские беседы.

До нас дошло описание одного дипломатического приёма, участницей которого стала святая равноапостольная княгиня Ольга. 9 сентября 955 г. в её честь был дан торжественный приём у императора Константина VII Порфирородного. Княгиню приняли с соблюдением всех правил церемониала: провели по многочисленным залам Большого дворца и ввели в великий триклиний Мангавры, где стояло чудо света – трон Соломона. Святую Ольгу принял вначале император, а затем и царица Елена – особая честь, которой удостаивался далеко не каждый иностранец.

В этот же день был дан роскошный обед, на котором княгиня сидела за одним столом с царской четой, а вокруг пели певчие и давались сценические представления. В другом зале дворца были накрыты столы для княжеской свиты, в которой насчитывалось 88 мужчин – бояре, купцы, военные люди, и 35 женщин. 18 октября 955 г. был дан ещё один обед, и на этот раз святая княгиня восседала рядом с императором, а царица – за отдельным столом со всей императорской семьёй. Нет сомнений, что пышность и великолепие царского дворца и в целом Константинополя произвели неотразимое впечатление на наших предков; особенно

¹⁷ Лев VI, гл. 16 // Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей / пер. с греч. Я. Н. Любарского. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетей, 2009. Кн. 6. С. 227.

¹⁸ *Лев Диакон*. История / Лев Диакон; отв. ред. Г. Г. Литаврин, пер. М. М. Копыленко. Кн. 3, гл. 9. М. : Наука, 1988. С. 30.

¹⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец // Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец. Сказания Приска Панийского / Приск Панийский. Рязань : Александрия, 2005. С. 223, 224.

поразили святыни и храм Святой Софии. Русская княгиня приняла Святое Крещение, и её восприемником стал сам император Константин VII Порфирородный²⁰.

На Вербное воскресенье императрица в обязательном порядке вместе с царственным мужем принимала высших сановников, а в обычные дни находилась близ него на ипподроме на празднествах и в Большом дворце при официальных мероприятиях. Более того, нередко императрицы появлялись перед своими подданными вовсе без императора, а во время отсутствия супруга даже возглавляли торжественный вход в храм Святой Софии по воскресным дням²¹.

II

Разумеется, пышные церемонии и красочные выходы, портретные изображения императорской четы, которым воздавали те же формы поклонения, что и самим царям, не могли не отразиться на реальной роли царицы в управлении государством и церковью. Византийские императрицы не страдали комплексом неполноценности, и если уж им приходилось заниматься государственными делами, то делали они это не хуже многих мужчин.

В 408 г. Восточная империя оказалась в управлении двух малолетних детей императора Аркадия – св. Пульхерии и св. Феодосия II. Пока младший брат подрастал, св. Пульхерия, совсем ещё девушка, начала управлять державой. В церковной политике она продолжила курс своего деда св. Феодосия Великого: царевна активно преследовала еретиков и обеспечивала преференции православной партии. В 415 г. вышло два её указа против монотанистов и евномиян с запрещением их собраний под угрозой уголовного преследования. В 416 г. ею был издан указ о язычниках, которым отныне запрещалось поступать на государственную службу и замещать должности правителей провинций. В 418 г. государственная служба закрылась и для иудеев, представители которых подлежали увольнению из армии²².

Все летописцы единогласно утверждают, что в государственных делах св. Феодора, супруга св. Юстиниана Великого, была первым соратником императора и пользовалась авторитетом едва ли не бóльшим, чем он сам. Императрица являлась прекрасным организатором, и её двор стал фактически "интеллектуальным ведомством" Римской империи. Святая Феодора знала всё или почти всё, что происходило в государстве, и в то же время нет уверенности в том, что все свои тайны она делила с мужем. Царица сама говорила, что император ничего не решает без совета с ней, и св. Юстиниан Великий на самом деле часто писал, что принял решение, посоветовавшись "с нашей преосвященной и благочестивейшей супругой, которую Бог нам даровал"²³.

²⁰ Успенский Ф. И. История Византийской империи : в 5 т. / Ф. И. Успенский ; сост. Л. В. Литвинова. М. : Астрель ; АСТ, 2005. Т. 3 : Период Македонской династии (867–1057 гг.). С. 785–787.

²¹ Диль Ш. Византийские портреты. С. 38, 39.

²² Кулаковский Ю. А. История Византии : в 3 т. / Ю. А. Кулаковский. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя, 2003. Т. 1 : 395–518 годы. С. 232.

²³ Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 1 : Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.). М., 2005. С. 530.

Твёрдость её духа была беспрецедентной – многие мужчины могли смело брать с неё пример. Именно она в критические дни бунта "Ника" произнесла перед сановниками фразу, ставшую исторической: "Если вы хотите спастись сами, то никто, даже император, не остановит вас. Море перед вами, суда готовы, и у вас достаточно денег, чтобы оплатить плавание в любом направлении. Что же касается меня, то я придерживаюсь старой поговорки: лучший саван – пурпурная императорская мантия!"²⁴

Её приказания исполнялись немедленно, и если так случалось, что веление императора шло вразрез с мнением императрицы, нередко побеждала точка зрения женщины. Она лично принимала послов, и многие желали попасть на приём вначале к ней, а затем уже представиться императору. При аудиенции гость также падал ниц перед ней и целовал туфлю. Она без всяких оговорок считалась фигурой, *равной императору*. Ей присягали, как и св. Юстиниану, чиновники и патриции, полководцы и солдаты. Они клялись, что будут хорошо служить "благочестивейшим и святейшим государям Юстиниану и Феодоре, супруге её императорского величества, и нелицемерно трудиться ради преуспевания их самодержавия и правления"²⁵.

Приёмы у императрицы были хотя редки, но чрезвычайно многочисленны. Она стала настоящим защитником слабого пола в Византии, и любая женщина могла обратиться к ней с жалобой на своего мужа или с просьбой о помощи²⁶. Когда она путешествовала, её сопровождала свита, куда входили высшие сановники Римской империи и провинций, которые она посещала. Святая Феодора занималась большой благотворительной деятельностью и выделяла громадные личные средства на больницы, монастыри и храмы²⁷.

А вот как описывает современник характер императрицы Евдокии (1067 г.), вдовы Константина X Дуки (1059–1067 гг.): "Придя к власти по велению царственного мужа, царица Евдокия никому другому не вверила царства, не избрала своим уделом домашнюю жизнь и не поручила дел какому-нибудь вельможе, а стала всем заправлять сама и взяла власть в свои руки. При этом держала себя скромно, не допуская лишней роскоши ни в одеждах, ни в выходах. Женщина искушённая и опытная, она способна была заниматься любыми делами: назначениями на должности, гражданскими разбирательствами и взиманием казённых податей, а когда представлялся случай, умела и говорить по-царски – такой великий ум тайлся в царице"²⁸.

Если в царственной чете женщина обладала большими талантами и силой воли, муж, несмотря на свой сан и титулы, становился при ней второстепенной фигурой. Так случилось в последние годы царствования

²⁴ *Прокопий Кесарийский*. Война с персами // Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопий Кесарийский; отв. ред. Г. Г. Литаврин, пер., коммент. А. А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. Кн. 1, гл. 14. С. 79.

²⁵ *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке: [пер. с фр.] / Шарль Диль. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. С. 57.

²⁶ *Бейкер Дж.* Юстиниан: Великий законодатель / Джордж Бейкер; [пер. с англ. А. Н. Анваера]. М.: Центрполиграф, 2004. С. 36, 37.

²⁷ *Феодан Византиец*. Указ. соч. С. 170.

²⁸ *Пселл М.* Евдокия. Роман IV, гл. 1 / Михаил Пселл // Хронография. Краткая история / Михаил Пселл. СПб.: Алетей, 2003. С. 176.

царя Юстина II (он был уже тяжело болен), которого супруга София убедила венчать на царство Тиверия, рассчитывая стать второй женой нового василевса римлян, разведя его с первой. По счастью, эта комбинация не удалась честолюбивой царице.

Так было и при Михаиле I Рангаве (811–813 гг.), супруга которого – царица Прокопия – отличалась большим честолюбием и силой характера. Многие решения император принимал под её давлением. И лишь с большим трудом ему удалось преломить сопротивление супруги, когда 24 июня 813 г. царь в силу вынужденных обстоятельств заявил о сложении с себя императорской мантии и принятии монашеского пострига²⁹.

Как известно, император Алексей III Ангел Комнин (1195–1203 гг.) мало занимался общественными делами, отдавая свою энергию пышным мероприятиям и развлекаясь частой сменой золотых одежд. Дошло до того, что его супруга Ефросинья, которая вполне могла достойно заменить мужа, открыто бранила его за леность и безумную расточительность. Впрочем, вскоре ей действительно пришлось брать управление государством в свои руки. Взору изумлённых византийцев предстали невиданные картины: по приказу царицы были изготовлены два *одинаковых* золотых кресла, на которых она вместе с мужем на равных сидела во время официальных приёмов. Нередко послы были вынуждены делать два визита – один к царице, второй – к царю, и чем дальше, тем чаще императрица отменяла бессмысленные распоряжения супруга и отдавала собственные³⁰.

Если императрица являла собой *личность*, она всегда активно участвовала в делах Римского государства. Ирина, венценосная супруга императора св. Иоанна Дуки Ватаца (1222–1254 гг.), даже несмотря на тяжёлую травму, приведшую её к длительной болезни, а потом смерти, активно и постоянно соцарствовала супругу. "Оба они прекрасно и достойным образом, – пишет летописец, – управляли царством, всеми мерами заботясь, чтобы в городах процветали правосудие и законность и вывелись корыстолюбие и хищничество. Оба они создали и храмы, отличавшиеся редким изяществом, не жалея издержек на то, чтобы они были и велики, и красивы. Приписав к церквям многие имения и большие ежегодные доходы, они устроили при них обители для монашествующих и аскетов, полные благодати и духовного веселья. Не довольствуясь и этим, они завели больницы, богадельни и много такого, что ясно показывало в них любовь к Богу"³¹.

Императрицы активно участвовали в выборе (или отставке) патриархов, причём не втайне, женской лаской склоняя венценосного супруга в пользу своей кандидатуры, а *публично* как власть имеющие. Первые прецеденты дала св. Пульхерия, но ещё более активно эта компетенция цариц проявилась во времена царствования св. Феодоры, супруги

²⁹ Лев V, гл. 9 // Продолжатель Феофана. Жизнеописания Византийских царей. СПб., 2009. Кн. 1. С. 16, 17.

³⁰ Хониат Н. Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела / Никита Хониат // История со времени царствования Иоанна Комнина / Никита Хониат. Т. 2 : (1186–1206 гг.), кн. 1, гл. 3. Рязань : Александрия, 2003. С. 119.

³¹ Григора Н. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Никифор Григора ; подг. к изд. А. И. Цепковым. Рязань : Александрия, 2004. Т. 1. С. 55, 57.

императора св. Юстиниана Великого. Святая Ирина (797–802 гг.) также не сомневалась в своих правах, когда назначила на Константинопольскую кафедру св. Тарасия (784–806 гг.). Затем это же совершила св. Феодора (842–856 гг.), избрав патриархом св. Мефодия (842–846 гг.), и другие императрицы, если им надлежало сделать этот выбор.

Подводя итог, можно сказать, что, пожалуй, за исключением ведения военных действий, царственные жёны осуществляли все императорские полномочия: обеспечивали справедливый и скорый суд, занимались широкой благотворительностью и социальной деятельностью, обустроивали церковь и всячески угождали Богу, надеясь на Его милость к Римскому царству.

III

В 451 г. гуннский правитель *Аттила* (434–453 гг.) потребовал от императора Западной части Священной Римской империи Валентиниана III (423–455 гг.) выдать за него замуж принцессу Гонорию, царскую сестру, легкомысленно влюбившуюся в варвара, и объявить себя наследником Восточной части Римской империи по линии будущей супруги. На это требование ему ответили, что женщины царского рода у римлян не наследуют империю³². Но так было лишь в начале существования православной Римской государственности. В недалёком будущем женщины не только стали предопределять имя очередного царя, но и единолично наследовать высшую политическую власть.

Нет ничего неестественного в том, что в ситуациях, при которых Римская держава лишалась своего императора, царица начинала претендовать на единоличное правление. Действительно, если василисса являлась первым товарищем императора, Самим Богом объединённая с ним не только таинством брачного венчания, но и таинством помазания на царство, то почему она не может принять бразды правления в свои руки? Конечно же, для этого были нужны *чрезвычайные* обстоятельства, но если они возникали, царицы оказывались в числе претендентов на престол. Особенно если при них находились малолетние наследники царства, регентами которых они становились по факту материнства.

Первый прецедент создала св. Ирина, став в 797 г. единовластной царицей Римской державы (хотя для этого ей пришлось отстранить сына от власти – трагичная во всех отношениях история). Она строго соблюдала правила царского этикета и являлась перед народом в пышных одеждах, как император, а на монетах повелела чеканить: "Ирина, великий василевс римлян, автократор"³³.

³² *Приск Панийский*. Сказания, отрывок 12 // *Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец. Сказания Приска Панийского / Приск Панийский*. Рязань : Александрия, 2005. С. 511.

³³ *Терновский Ф. А., Терновский С. А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842) / Ф. А. Терновский, С. А. Терновский. Киев : Университетская тип. (И. Завадского), 1883. С. 468.

На закате славной Македонской династии, после весьма бурных событий сразу две женщины – родные сёстры Зоя (1042–1050 гг.) и Феодора (1042–1056 гг.) правили Римским государством. Старый дворцовый церемониал пришлось перестраивать под новые веяния. И теперь императрицы восседали вдвоём на царском троне, расположенном в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону младшей сестры. Рядом с ними стояли воины-телохранители, позади – самые близкие к сёстрам придворные. Ещё дальше находилась вторая стража гвардейцев и потом уже синклит (сенат). Все государственные дела сёстры решали сообща в присутствии сановников³⁴.

Чуть позднее к ним присоединился Константин IX Мономах (1042–1055 гг.), которого сёстры избрали в мужа Зое – она являлась старшей между ними и негласно имела больше прав на царство. Теперь в тронном зале стояли три престола для всех трёх императоров Византии. Константин IX Мономах в действительности остался верен слову, которое дал перед венчанием на царство. Он ни в чём не стеснял царственных сестёр, и в официальных актах значилось не только его имя, но и Зои с Феодорой. Помимо этого и законы подписывались *всеми императорами*, чтобы не нарушить права последних представительниц Македонской династии. Каждая из императриц пользовалась известной свободой действий и по негласной договорённости могла отдавать распоряжения, обязательные для всех лиц. Так продолжалось до 1050 г., когда Зоя умерла. Теперь Константин IX продолжал править совместно с Феодорой³⁵.

Но в конце концов скончался и Мономах, и Феодора стала единоличной царицей Римской империи. Удивительно, но все историки солидарны в том, что краткое царствие Феодоры ознаменовалось полным отсутствием каких-либо заговоров и мятежей; никто не злоумышлял против верховной власти. Царица в поистине мужском стиле управляла Римской империей, твёрдым голосом отдавая приказания и смиряя аристократическую оппозицию. А когда слышала о недовольстве некоторых сановников, справедливо напоминала, что *не в первый раз* занимает священный престол, а *продолжает* царствовать. При ней, как по мановению волшебной палочки, урожаи случались очень хорошими, войны прекратились, границы стали безопасными, что положительно сказалось на торговле. Государственная казна быстро пополнилась³⁶.

Полные представления о своей обязанности нести мир церкви, Византийские императрицы нисколько не сомневались в обязанности заниматься делами церковного управления и охранения веры. В этом они ничуть не уступали императорам-мужчинам. Как минимум трижды святые императрицы предопределяли победу православия над ересями: св. Пульхерия, св. Ирина и св. Феодора. При этом две из них в тот момент времени царствовали единолично, вдовствуя при малолетних наследниках престола.

³⁴ Пселл М. Зоя и Феодора. Константин IX, гл. 3 // Хронография. С. 72.

³⁵ Пселл М. Самодержавное правление царицы Феодоры, гл. 13 // Хронография. С. 138.

³⁶ Пселл М. Самодержавное правление царицы Феодоры, гл. 4, 5. С. 135.

Святая Пульхерия активно выступала против ереси несторианства, и во многом её усилиями был созван IV Вселенский собор в Халкидоне в 451 г. Примечательно, что, сформулировав соборный орос, отцы собора дружно и горячо приветствовали императрицу при её появлении: "Пульхерия – новая Елена; ты явила ревность Елены! Ваша жизнь – охрана всех! Ваша вера – слава церквей! Царство ваше да будет вовек! Многая лета августе! Вы – светила Православия; от этого везде – мир. Господи, сохрани светила мира! Господи, сохрани светила Вселенной!"³⁷

А святая Ирина нанесла первый серьёзный удар иконоборчеству, заполонившему собой весь Восток. Невзирая на многочисленность иконоборцев, включая епископов, императрица однажды в собрании народа объявила св. Тарасия (784–806 гг.), своего секретаря, новым Константинопольским патриархом. А тот, в свою очередь, по заранее разыгранному с царицей сценарию соглашался с её выбором лишь при условии созыва Вселенского собора для восстановления иконопочитания³⁸.

После этого императрица от своего имени и от имени сына, юного императора Константина VI (780–797 гг.), направила Римскому епископу Адриану (772–795 гг.) письмо, в котором заявила о своём намерении созвать Вселенский собор. 17 августа 786 г. собор открылся, но вместе с иконоборческими епископами в храм вошли гвардейские солдаты и закрыли собрание. Делать было нечего – императрица распорядилась подчиниться их требованию, и епископы разошлись по домам. Через год, в 787 г., царица объявила своё повеление вновь созвать Вселенский собор, но уже, от греха подальше, в Никее, а не в Константинополе. Он, как известно, завершился блистательной победой иконопочитателей.

Подвиг молодой царственной вдовы величественен: в это время иконоборцы имели широкую поддержку в армии, а также среди епископата и высших сановников. Сам Константинопольский патриарх Павел (780–784 гг.), не желавший слыть иконоборцем, но опасавшийся выступить против них, добровольно сложил с себя полномочия и удалился в монастырь³⁹. Решившись на созыв, императрице пришлось не только продемонстрировать характер, но и просчитать тонкие дипломатические комбинации. В частности, созыв Вселенского собора был невозможен без помощи Рима, а папа почти гарантированно заявил бы (и заявил в действительности) собственные требования к св. Ирине. Например, вернуть те митрополии, которые ранее император Лев III Исавр передал Константинопольской кафедре.

Иными словами, здесь необходимо было проявить и мужество, и хитрость, и умение идти на компромисс или отстаивать своё мнение наперекор всему. Более того, согласно "Деяниям" Собора, как оказалось, почти все епископы втайне сочувствовали иконопочитателям, но не решались высказать свои мысли вслух. И получается, что одна хрупкая женщина, любой неосторожный шаг которой мог привести её и сына к гибели, не побоялась сделать то, что было не по силам сотням архиереев, сановникам и самому патриарху. Как видим, св. Ирина принадлежала к тем могучим

³⁷ Деяния Вселенских Соборов : [в 4 т.]. 5-е изд., испр. СПб. : Воскресение, 1996. Т. 3 : IV Собор ; V Собор, ч. 2. С. 68, 69.

³⁸ Феофан Византиец. Указ. соч. С. 392.

³⁹ Там же. С. 390–392.

фигурам, которые способны, презрев время, менять ход исторических событий, не боясь нести ответственность за свои поступки.

Но иконоборчество не было ещё окончательно поражено, и весной 843 г. уже другая императрица – св. Феодора, вдова императора Феофила, созвала Собор в Константинополе, чтобы торжественно и по старым традициям объявить об окончательной победе истины над ересью. Этот Собор носил далеко не формальный характер, и его решения ещё нужно было отстоять перед иконоборцами. Об этом позднее писал Константинопольский патриарх св. Мефодий (842–846 гг.): "Понимая, что ничто так не будет способствовать безопасности Римской империи, как окончание церковной смуты, царица Феодора, переговорив с высшими сановниками государства, призвала наиболее влиятельных между монахами и предложила им на обсуждение вопрос о восстановлении иконопочитания. Когда же нашла, что все они согласны и ежедневно горят одним желанием и болят сердцем о перемене религии, потребовала от них, чтобы они выбрали места из святоотеческих книг в подтверждение истины, указала место во дворце, куда предполагалось созвать Собор, и обратилась с манифестом к народу. Собралось такое великое множество, что нельзя было перечесть, ибо прибыли не только те, которые сохранили чистый ум во время нечестия, но очень многие из тех, что разделяли еретические мнения и были назначены на церковные должности иконоборцами. Переменив свои мысли, и они предали проклятию врагов святых икон"⁴⁰.

Как видим, их не могли остановить ни сонмы сановников, ни армия, ни еретичествовавшие архиереи. Тем выше подвиг этих удивительных подвижниц православия и остальных царственных жён, деливших с мужьями ответственность за судьбу христианской Вселенной.

IV

Роль императрицы была столь значимой, а её сан настолько величественен, что само родство с царицей или царевной часто становилось решающим фактором в случаях, когда императорский престол пустел. Святой Иоанн III Дука Ватац был женат на Ирине, третьей дочери Феодора I Ласкариса (1204–1222 гг.), женщине энергичной и честолюбивой, чья воля и настойчивость имели решающее значение при его избрании царём. Как и некоторые другие императоры из прежних веков римской истории, св. Иоанн III Дука стал императором по праву своей супруги, а потому продолжил династию Ласкаридов, не начав собственной. Отметим тут же, что сам Феодор I Ласкарис короновался императором, поскольку был женат на Анне, дочери императора Алексея III Ангела Комнина.

Что там родство – очень часто даже мнение императрицы оказывалось решающим при выборе очередного царя. Нетрудно представить себе эту картину: престол пуст, придворные партии активно выдвигают своих кандидатов, всеильные сановники дворца прилагают титанические усилия

⁴⁰ Успенский Ф. И. Указ. соч. М., 2005. Т. 2 : Период III (610–716 гг.). Иконоборческий период (717–867 гг.). С. 578.

в надежде обеспечить победу собственному избраннику, торгуются, дерутся (иногда до смерти и увечий). Армия тоже не отстаёт: легионы собираются вокруг Большого императорского дворца или на ипподроме, толпы константинопольцев следуют за ними. Из Святой Софии спешат патриаршие клирики, чтобы узнать обстановку и доложить Константинопольскому архиерею. Сам патриарх, облачившись в праздничные одежды, не торопясь проходит к царской резиденции, чтобы освятить выбор народа или самому принять деятельное участие в судьбе венценосных особ. Всё шумит, кипит, волнуется.

И вот перед этой пёстрой и многотысячной толпой появляется императрица (вдова или мать – не суть), и всё замолкает... Её приветствуют громкими возгласами: "Августа, царица! Победительница, твоя победа! Дай православного царя для Вселенной!" Знаменосцы легионов склоняют перед ней штандарты, армия отдаёт высшие почести, сановники склоняются в поклоне. Наконец она начинает что-то говорить, и её слова тут же передаются по рядам, их бурно обсуждают, пересказывают. Императрица произносит чьё-то имя – имя нового императора Римской державы, и почти немедленно избранник царицы появляется на авансцене. Его тут же громко и радостно приветствуют как нового повелителя Вселенной, обряжают в царские одежды, армия склоняет перед ним копьё, ему на шею надевают золотую цепь и проводят в храм для совершения таинства венчания на царство. Какой удивительный баланс – одна хрупкая женщина и весь римский мир, покорный её воле и принимающий её выбор!

Конечно же, эта внешняя идиллия бывала не всегда. Более того, нередко она подготавливалась в тишине дворцовых покоев, чтобы избрание нового императора стало более зрелищным – византийцы были глубокими знатоками и почитателями формы. Но по сути своей описанная выше картина являлась хрестоматийной для Священной Византии. И игнорировать мнение императрицы оказывалось себе дороже. Единожды это попытался сделать Михаил V Калафат (1041–1042 гг), поплатившийся не только царской властью, но и жизнью. Осмелившись пойти против законной порфирородной императрицы Зои из Македонской династии, он был свергнут с престола и ослеплён. 21 апреля 1042 г. Калафата провезли на муле по улицам Константинополя, а затем отправили в ссылку в монастырь Элегмон, где позже он скончался в полной неизвестности⁴¹.

Так, именно св. Ариадна, вдова императора Зенона, остановилась на кандидатуре Анастасия I, создав прецедент⁴². Императрица Зоя потребовала венчать на царство после смерти супруга *Романа III Аргира* (1028–1034 гг.) своего любовника Михаила IV Пафлогона (1034–1041 гг.). Срочно вызванный ночью в императорские покои патриарх не посмел перечить василиссе, и 12 апреля 1034 г., в Великую пятницу, состоялась публичная и торжественная процедура возведения Михаила IV на царский трон в присутствии синклита и представителей армии⁴³.

⁴¹ Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина : в 2 кн. / Н. А. Скабаланович. СПб., 2004. Кн. 1. С. 169, 170.

⁴² Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 1. С. 397.

⁴³ Скабаланович Н. А. Указ. соч. С. 146.

Зоя же по договорённости с сестрой назначила своим мужем и императором Константина IX Мономаха. 11 июня 1042 г. протопресвитером храма Святой Софии было совершено торжественное венчание их как мужа и жены. А уже 12 июня 1042 г. сам Константинопольский архиерей Алексей Студит (1025–1043 гг.) венчал Константина IX Мономаха на царство⁴⁴.

После смерти царственной сестры Византийской императрицей стала Феодора. Но государству требовалась мужская рука, кроме того, императрица была уже далеко не молода и готовилась отойти к Богу. 31 августа 1056 г. Феодора собственноручно возложила на своего избранника, полководца Михаила VI Стратиотика (1056–1057 гг.), императорскую диадему, объявив того василевсом. Константинопольскому патриарху Михаилу Керулларию (1043–1059 гг.) ничего не оставалось, как совершить над Михаилом VI таинство венчания на царство. Буквально через 3 дня Феодора скончалась⁴⁵.

1 января 1068 г. благодаря выбору императрицы Евдокии, вдовы Константина Дуки, у Византии появился новый император Роман IV Диоген⁴⁶.

В день смерти императора Иоанна VIII (1425–1448 гг.) его будущий преемник св. Константин XI Палеолог (1448–1453 гг.) находился далеко, в Мистре. И это обстоятельство создало предпосылки для того, чтобы на вакантный престол одновременно претендовали два лица (вторым был Димитрий – брат св. Константина XI). Но всё решила престарелая императрица Елена, к тому времени уже монахиня св. Ипомония, к которой по сложившейся правовой традиции перешли неписанные права на царство. И она без раздумий передала власть старшему сыну св. Константину XI Палеологу.

V

Но Византия демонстрировала и обратные примеры. Если василисса оказывалась недостойной своего царственного статуса, то её возможности резко обесценивались, а сама она недолго сохраняла власть. Первый тому пример явила царица Мартина, супруга императора Ираклия Великого. Византийцы не забыли, что она приходилась василевсу племянницей и явно не одобряли этот кровосмесительный брак. Но поскольку самого царя очень любили, при его жизни Мартина пользовалась всеми благами власти (и невзгодами тоже, добавим мы, так как часто сопровождала мужа в тяжёлых военных походах против Персии). Но едва Ираклий скончался, как ситуация резко изменилась, и римляне отомстили Мартине, которая, как считалось, и была виновницей грехопадения императора.

Когда царственная вдова вместе с детьми совершала праздничный выход, её ждал неприятный сюрприз. Константинопольцы сами выстроили иерархию в царской семье, отдав предпочтение старшему сыну покойного Ираклия св. Константину Новому (641 г.), поскольку тот был облачён

⁴⁴ Пселл М. Зоя и Феодора. Константин IX, гл. 19, 20 // Хронография. С. 78.

⁴⁵ Пселл М. Самодержавное правление царицы Феодоры, гл. 20, 21 // Хронография. С. 140.

⁴⁶ Пселл М. Евдокия. Роман IV, гл. 6–9 // Хронография. С. 182, 183.

в пурпур едва ли не с рождения. Саму же Мартину византийцы отвергли, причём в очень обидной форме: "Ты только мать царей! – неслись крики из толпы. – Они наши цари и владыки! Когда в наше царство являются варвары и иноплеменники, ты не можешь принимать их и вести с ними переговоры. Не дай Бог, чтобы в такое состояние пришла держава римлян!"⁴⁷ Как легко догадаться, вскоре Мартина была окончательно смещена с трона.

Вторым примером стала легкомысленная и несчастная вдова блистательного императора Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) Антиохийская княжна Мария и их сын малолетний царь Алексей II Комнин (1180–1183 гг.). Это была женщина красивая и даже чрезвычайно красивая. "В сравнении с ней, – писал современник, – решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногами Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц"⁴⁸. В декабре 1160 г. Марию ввели в храм Святой Софии, где Константинопольский патриарх Лука Хрисоверг (1156–1169 гг.) венчал их брак с Мануилом I, а голову невесты украсил ещё и царский венец⁴⁹.

Увы, ни красота, ни сан не спасли её. В 1180 г. император скончался, и Мария осталась вдовой. Она недолго умерщвляла свою плоть и вскоре увлеклась одним молодым аристократом, вследствие чего её репутация, тем более женщины-иностранки, резко упала. Ситуация усугубилась тем, что царица отдавала явное предпочтение латинянам в ущерб природным византийцам. Едва ли не каждый европеец без звания и статуса мог прийти к ней и получить высокую должность в государственном управлении. Брезгуя соотечественниками и не доверяя им, царица поручала важные дела латинянам, щедро оплачивая самые незначительные услуги. Естественно, те стали относиться к византийцам как к людям "второго сорта", а римляне возненавидели их до крайней степени⁵⁰.

Вначале против царицы поднялась кесарисса Мария – дочь императора Мануила I от первого брака. Она организовала заговор против ненавистной ей мачехи, причём в число заговорщиков вошли представители самых известных семей Византии⁵¹. Правда, заговор оказался неудачным. Но константинопольцы дружно заступились за дочь великого Мануила I, которая выступила под знаменем защиты национальных интересов, и потребовали её освобождения от суда и ареста. Разъярённая толпа затопила собой Константинополь, разграбляя дворцы и дома людей, близких к царице Марии и к её воздыхателю. "Это была священная война, – говорил

⁴⁷ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Ч. 1.

⁴⁸ *Хониат Н.* Царствование Мануила Комнина // История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Кн. 3, гл. 5. С. 127.

⁴⁹ *Киннам И.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Иоанн Киннам // Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) / Иоанн Киннам. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / Георгий Акрополит. Рязань : Александрия, 2003. Кн. 5, гл. 4. С. 166, 167.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Хониат Н.* Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила // История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Гл. 4. С. 245, 246.

очевидец тех событий Евстафий Солунский, – не потому, что церковные люди принимали в ней участие или что она началась в ограде и притворах церкви Святой Софии, но по мысли, которая воодушевляла константинопольскую чернь⁵².

Лишь с громадным трудом Константинопольскому патриарху Феодосию Ворадиту (1178–1183 гг.) удалось остановить кровопролитие. Впрочем, для царицы это уже не имело никакого значения. Вскоре, в 1183 г., будущий император Андроник I Комнин (1183–1185 гг.) ложно обвинил её в тайных сношениях с Венгерской короной и приказал умертвить. Царицу задушили, а тело закопали на морском берегу. Затем погиб и юный царь, подло убитый по приказу Андроника I⁵³.

Насколько статус Византийской императрицы был высок и в то же время не гарантировал от проблем, свидетельствуют две истории, разделённые между собой тремя веками. Константин VII Порфирородный имел всего 7 лет от роду, когда после смерти отца – императора Льва VI Мудрого и дяди – императора Александра (912–913 гг.) остался единственным законным наследником власти в Римском государстве. Дядя оставил распоряжение, согласно которому был назначен опекунский совет при Константине VII Порфирородном. К негодованию царицы-вдовы Зои Карбоносины, она не была включена в опекунский совет, поскольку её авторитет в народе был невысок. Все полагали, что именно Зоя подвигла Льва VI на четвёртый брак, не одобренный священноначалием. Более того, первый ненавистник императрицы Константинопольский патриарх Николай Мистик (901–907 гг., 912–925 гг.) издал от имени опекунского совета беспрецедентный указ. Этим документом *Зоя лишалась царского достоинства* (!) и ей запрещался под любым предлогом вход в царский дворец. В довершение всего путём угроз в адрес её сына патриарх вынудил императрицу принять монашеский постриг и удалиться в монастырь⁵⁴.

На её удачу, противники царицы действовали неосторожно и чрезмерно агрессивны, надеясь захватить власть в свои руки. Ловко используя ошибки своих врагов, Зоя Карбоносина в октябре 913 г. освободилась от монашеского сана, сумела вернуться во дворец, восстановить и даже упрочить своё положение⁵⁵. Обе партии оказались в патовой ситуации, из которой можно было выйти только путём взаимных уступок, переговоров и не совсем искренних взаимных обязательств. Зоя обещала не покушаться на статус Николая Мистика. Патриарх взамен дал слово более не вторгаться в сферу политики, не появляться в царском дворце без разрешения императрицы и поминать на литургии имя царицы наравне с именем Константина VII, что и произошло в первый раз в феврале 914 г.⁵⁶

Таким образом, недавно опальная царица стала фактически единоличным правителем Римской империи при номинальной власти сына. Хотя и ненадолго: её авторитет всё же был не настолько высоким, чтобы византийцы видели в ней адекватную замену царственному мужу.

⁵² Успенский Ф. И. Указ. соч. Т. 4. С. 357.

⁵³ Хоният Н. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила // История со времени царствования Иоанна Комнина. Гл. 17. С. 280–282.

⁵⁴ Диль Ш. Византийские портреты. С. 143.

⁵⁵ Царствование Константина, сына Льва, гл. 6 // Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Кн. 6. С. 241.

⁵⁶ Диль Ш. Византийские портреты. С. 144.

В результате через короткое время она была лишена царского достоинства уже по требованию собственного сына, вновь пострижена в монахини под именем Анны и отправлена в монастырь⁵⁷.

Вторая история также таит в себе интересные детали. После смерти императора Андроника III Палеолога (1328–1341 гг.) опекуном его юного сына Иоанна V (1341–1391 гг.) был объявлен Кантакузен – будущий император Византии Иоанн VI (1347–1354 гг.). Но в оппозицию к нему немедленно встали вдова-императрица Анна Савойская, патриарх Иоанн Калека (1334–1347 гг.) и министр финансов Алексей Апокавк. Развязалась гражданская война, в ходе которой стороны предприняли действия, должны были легализовать их статус.

Кантакузена 26 октября 1341 г. провозгласили в Дидимотихе Византийским императором, а местный епископ короновал его императорским венцом. Почти одновременно с этим, 19 ноября 1341 г., Иоанна V Палеолога венчали на царство, а Анна Савойская была объявлена соправителем. И всё же, соблюдая политические традиции, сам Иоанн VI Кантакузен приказал поминать своё имя при величаниях на литургии после Иоанна V Палеолога и императрицы Анны Савойской, признав тем самым царственный статус Анны как действующей императрицы⁵⁸.

После того как погиб её верный союзник Алексей Апокавк, а патриарх скомпрометировал себя и был низложен, Анна оказалась практически *единовластной* правительницей Римской империи. Наконец, гражданская война, обессилившая государство, подошла к концу. Кантакузен и Анна Савойская нашли компромиссное решение, небезынтересное для нас. Анна Савойская дала клятву ничего не замышлять против Иоанна VI Кантакузена, а тот, вторично венчанный на царство уже Константинопольским патриархом, в свою очередь, выдал свою дочь Елену замуж за императора Иоанна V Палеолога. Теперь на некоторое время у империи оказалось 5 царей: Иоанн V Палеолог, его жена Елена Кантакузен, императрица Анна Савойская, Иоанн VI Кантакузен и его супруга Ирина⁵⁹.

Вместо эпилога

Едва ли было оправданно демонизировать Византийских императриц, видя в приведённых выше примерах лишь борьбу страстей, придворных партий и проявление ненасытного честолюбия. Как правило, сами царицы не горели желанием взваливать государственные заботы на свои плечи, отдавая себе отчёт в том, *что это такое*. Для одиноких и молодых женщин (вдовиц или сирот) единоличное царствование было далеко не синекурой, что наглядно демонстрирует история уже упомянутой выше императрицы Евдокии Дуки. На людях всегда такая выдержанная и спокойная, как-то раз "в сердцах" царица проговорила о тяжести своей

⁵⁷ Царствование Константина, сына Льва, гл. 11 // Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Кн. 7. С. 243–245.

⁵⁸ Диль Ш. Византийские портреты. С. 387.

⁵⁹ Успенский Ф. И. Указ. соч. М., 2005. Т. 5, Отдел VIII : Ласкари и Палеологи. С. 446.

ноши: "Не нужно мне такого долгого царствования, я не хочу умереть на троне!"⁶⁰

В действительности они зачастую становились заложниками политики и собственного статуса. Византия хотя и являлась до конца дней своих *Священной Римской империей*, но и ей были ведомы политические интриги, заговоры и амбиции – государство есть государство, а люди во все времена подвержены соблазнам. И их мнение было столь значимым для византийского общества, что очень часто императрица становилась перед печальной дилеммой: или быть орудием в чьих-то руках, игрушкой, которой манипулируют, или открыто заявлять собственные права на престол, спасая и себя, и наследника. Именно так складывались обстоятельства для св. Ирины после смерти её мужа Льва IV Хазара, которая была вынуждена жёсткой рукой пресекать один за другим многочисленные заговоры оппозиции, направленные против её сына и её самой. В дальнейшем всё решалось признанием народом и священноначалием права императрицы реализовать свой царственный статус. Если она соответствовала высокому образу царицы, её дееспособность была чрезвычайно широка, почти как у царя. В противном случае василисса оканчивала обыкновенно свои дни в монастыре, куда влекло её врождённое чувство христианского благочестия, столь широко развитое среди византийских царственных особ.

Как и Византийские василевсы, Византийские царицы являлись первыми защитниками православной государственности, той нравственной стеной, о которую в течение невероятно тяжёлого и кровавого тысячелетия существования Византии как *христианской Римской империи* разбились и волны врагов, и потоки ересей.

Ключевые слова: *императрица – Византия – империя – церковь.*

Keywords: *Empress – Byzantine Empire – Church.*

⁶⁰ Пселл М. Евдокия. Роман IV. Книга 4 // Хронография. С. 182.